

Ю.Г. Белькинд, Б.В. Межуев и Т.Г. Щедрина, ред. Сергей Николаевич Трубецкой

Институт философии РАН, Некоммерческий научный фонд
«Институт развития им. Г.П. Щедровицкого».
М.: РОССПЭН, 2023. – 391 с.

Для цитирования: Ганелина, А.Ф. Рецензия на книгу *Сергей Николаевич Трубецкой*, Ю.Г. Белькинд, Б.В. Межуев и Т.Г. Щедрина, ред. *Историко-философский ежегодник* 39 (2024): 461–467.

For citation: Ganelina, Anna F. Review of *Sergei Nikolaevich Trubetskoy*, by Yuri. G. Belkind, Boris V. Mezhuev and Tatiana G. Schedrina, eds. *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 39 (2024): 461–467. (In Russian)

Поступила в редакцию / Received: 20.06.24

Принята к публикации / Accepted: 01.07.24

Историко-философские книги (как сольные, так и коллективные) призваны решать широкий спектр задач – конечно, когда их авторы намерены содержательно обогатить корпус исследований и – если труд будет оценен – стать образцом для начинающих исследователей и войти в круг их чтения. Среди очевидных задач – реконструкция философского учения и интуиций титульного героя исследования, рассмотрение обстоятельств его жизни в соотношении с этим учением, корректное и фундированное архивами представление исторического и интеллектуального контекста, демифологизация¹ философа (ведь

¹ Очевидно, что миф как способ представления о мире неискореним и естественен; в данном случае под демифологизацией мы имеем в виду разоблачение намеренных искажений или устойчивых стереотипов.

чем глубже в века, тем больше разнородных наслоений на некогда реальной фигуре). Причем демифологизацию историк философии призван осуществлять не для того, чтобы «поновить икону» и создать новый упрощенный образ – напротив, он по мере изучения усложняет, нюансирует сюжеты жизни и творчества, проблематизирует и ставит вопросы для дальнейших изысканий, передает научную эстафету.

Другой класс задач – на мой взгляд, менее очевидный, хотя и выведенный во всевозможные методологические рекомендации – это актуализация наследия философа, поиски путей употребления его трудов для нужд современности. Принято считать, что «неактуального» философа изучать не столь важно, он должен ждать своего часа. Тем интереснее нам будет рассмотреть недавно вышедшую книгу «Сергей Николаевич Трубецкой» из серии «Философы России первой половины XX века», ведь конкретный идеализм и соборное сознание, на первый взгляд, не входят сегодня в круг острейших интересов; тем не менее коллектив авторов под руководством Б.В. Межуева, о. Георгия Белькинда и Т.Г. Щедриной приняли это научное усилие – скажем сразу, усилие нужное и своевременное (к вопросу об актуальности Трубецкого вернемся чуть позже).

Книга структурирована в три основных раздела, где собраны три лика Трубецкого: князь-философ (Раздел I. Метафизика и гносеология), князь-историк (Раздел II. История философии и религиоведение) и князь-деятель (Раздел III. Общественная деятельность), далее помещена хроника жизни философа, после – несколько затерявшийся текст-некролог Ю.А. Айхенвальда, с которого, полагаю, стоит начать знакомство с книгой тем читателям, которые склонны сперва создать эмоциональный образ-впечатление, а уже потом приступать к знакомству с подробными исследованиями. Завершает книгу весьма ценная библиография трудов Трубецкого², а в середине книги читатель

² Примечательно, что этот раздел составлен при значительной помощи научно-библиографической группы серии «Философия России первой половины XX века» под руководством И.О. Щедриной, в которую входят несколько молодых исследователей (студентов и аспирантов) – на мой взгляд, это

найдет вклейку фотографий из ОР РГБ, ИРЛИ, РГАЛИ и других архивов.

Редактор и составитель интересной нам книги Б.В. Межуев открывает издание содержательно обширной статьей «Философская стратегия князя Сергея Трубецкого», где исследует элементы философского мировидения Трубецкого – отношения с софиологией (и с Софией), развитие учения о соборном сознании, особо рассматривает отношения Трубецкого и Вл.С. Соловьёва, обосновывает, что «конкретный идеализм» Трубецкого – «итог развития идеалистической школы именно Московского университета» (с. 29). Развивается тема «конкретного идеализма» в фундаментальной архивной статье (1990 г.) П.П. Гайденко; буквально в начале статьи она замечает одну из важнейших, на мой взгляд, черт Трубецкого:

для него не имело никакого значения, будет ли результат его мысли новым и оригинальным: он должен быть истинным. А истина может быть стара как мир: ее просто могут забыть или она нуждается в защите (с. 36).

Это свойство Трубецкого, полагаю, и обнаруживает в нём подлинно философский дар, проявившийся, впрочем, и в общественном служении. Статья Гайденко напомнит читателю прекрасный слог и научный стиль старшего поколения исследователей – и в целом идея включать в книгу архивные статьи мне кажется очень удачной. Кроме того, текст действительно и тактично-биографичен, и вмещает в себя анализ основных философских трудов Трубецкого («Метафизика в Древней Греции», «Учение о Логосе в его истории», «О природе человеческого сознания» и др.) и, конечно, суть «конкретного идеализма». Далее текст Т.Г. Щедриной и Б.И. Пружинина связывает творчество Трубецкого с эпистемологической проблематикой, периферийной для философа, но всегда важной для науки. Статья А.П. Козырева затрагивает актуальнейшую проблему исторической памяти – и в этой теме находится место наследию Сергея Трубецкого. По проблеме исторической памяти

прекрасная практика обучения настоящей историко-философской работе, к тому же полезная для реальных издательских проектов.

есть обширная западная литература, и *memory studies* сейчас, похоже, переживают период расцвета, статья А.П. Козырева в этом контексте важна особым ракурсом рассмотрения исторической памяти в русской философии – пожалуй, эту историко-философскую тему можно продуктивно развивать. Статья связывает идеи Трубецкого о коллективной памяти и о соборном сознании, выводит тему мифа, позже развившуюся в русской мысли, провожает читателя к относительной современности – например, дихотомией «прощение-забвение» П. Рикёра или деятельностью президента Франции Э. Макрона, некогда помощника Рикёра. В общий контекст истории философии идеи Трубецкого вводит статья О.Т. Ермишина, среди прочего кратко сопоставляющая конкретный идеализм Трубецкого с конкретным спиритуализмом Л.М. Лопатина, конкретной метафизикой П.А. Флоренского, «конкретным органическим идеал-реализмом» Н.О. Лосского. И.И. Евлампиев предлагает встроить Трубецкого в куда более неочевидный ряд философов: Трубецкой

предугадывает (конечно, в очень несовершенной форме) онтологические построения наследников Гуссерля в западной философии – М. Хайдеггера, М. Шелера, Ж.-П. Сартра (с. 139).

В статье чувствуется равнодушие автора к судьбе метафизики в современной философии – так, он заявляет, что она (метафизика) уничтожена постмодернизмом и аналитической философией как новой формой «поверхностно-позитивистского мировоззрения» (с. 143), – полагаю, в других публикациях автора этот резонансный тезис доказывается, а не только заявляется.

Раздел II объединяет несколько историко-философских сюжетов, где героем выступает сам Трубецкой, а также исследования его религиозного амплуа. Вторая статья А.П. Козырева описывает явственный «хомяковский след» в творчестве Трубецкого – например, в идее о соборной природе человеческого сознания или в идее веры («соловьёвский след», конечно, тоже отмечен). К.Б. Ермишина изучает влияние уже самого Сергея Николаевича на его сына, Николая Сергеевича: автор критикует устоявшееся мнение исследователей о «борьбе идей» отца и сына, показывает даже некоторую преемственность –

например, концепции «хоровой личности» Николая идее «единства сознания» Сергея, показывает общность их взглядов на славянофилов, на религиозные проблемы – словом, придает объём непростым родственным отношениям. Другой диалог находим в весьма ценной статье К.М. Антонова – «православного апологета» Трубецкого и немецкого либерального теолога А. фон Гартмана – по проблеме эллинизации христианства; отмечу, что поиски «первоначальной сущности христианства» по-прежнему делятся, в том числе в русской историко-философской мысли – словом, вопрос о том, искажается или обогащается христианство из-за «эллинской прививки», всё еще дискутируется. Повторюсь, статья Антонова представляется мне глубоким и даже выдающимся историко-философским изысканием, которое будет интересно и историкам религии. Завершает раздел статья В.Р. Вычерова, где заявлена реконструкция оригинальной религиозноведческой концепции Трубецкого (или концепции истории религии, эти понятия иногда в статье недостаточно разграничены) – и элементы такой концепции действительно можно зафиксировать, хотя это и не так легко: описание контекста и ряда рецептов в этом случае может несколько смутить и запутать читателя. Замечу, что автор также указывает на апологетические установки и цели Трубецкого, продолжая линию интерпретации авторства П.П. Блонского³.

От Раздела III «Общественная деятельность» читатель ожидает большей биографичности и знакомства с Трубецким в его призвании либерально-консервативного деятеля и человека Московского университета, отдавшего свою жизнь в борьбе за его сохранение – как неоднократно напоминают авторы книги, Сергей Николаевич умер от инсульта, поразившего его во время приема у министра народного просвещения в 1905 году. Раздел III открывается статьей В.В. Ванчугова, который созвучно с А.П. Козыревым и вслед за Трубецким определяет Университет как особый тип соборности – этот тезис, полагаю, должен быть осмыслен в отдельном исследовании; в статье особо рассмотрены взгляды Трубецкого на нравствен-

³ П.П. Блонский, «Кн. С.Н. Трубецкой и философия», *Мысль и слово*, № 1 (1917): 142–176.

ные обязанности профессуры и на саму цель Университета (предлагаем читателю предположить ее и проверить текстами Трубецкого или указанной статьей). В.В. Сидорин выводит конкретный идеализм как актуальную социально-политическую программу и явно указывает, что «<...> идея преобразования жизни – ключевой элемент “конкретного идеализма”» (с. 292). Статья Ф.А. Гайды добавляет живой очерк гражданского служения Трубецкого уже не как ректора Университета, но как оратора в составе земской делегации к Николаю II в 1905 г. Статьи С.В. Хатунцева и М.В. Медоварова, на мой взгляд, несколько выпадают из тематики раздела – едва ли то, как Трубецкой воспринимал и критиковал Константина Леонтьева, можно назвать общественной деятельностью; а вот саму публикацию «Метафизики в Древней Греции», пожалуй, таковой назвать можно, и в этом смысле статья «Сергей Трубецкой в полемике с “Русским обозрением”...» добавляет красок к портрету князя-деятеля.

О. Георгий Белькинд завершает сборник рассуждением о соотношении наследия братьев Сергея и Евгения и о том, как сегодня философский лик старшего из братьев затмевается – и именно с этим связана задача актуализации его текстов, например «Учения о Логосе в его истории». Отмечу, что чтение книги можно (а для специалистов и нужно) дополнить освоением недавно изданной переписки братьев Трубецких⁴, это поможет изучить историю их личных и идейных соотношений. Возвращаясь же к вопросу о пресловутой актуальности – полагаю, более точным словом о Трубецком будет «нужность», он *нужен* сегодня как напоминание о норме, о состоянии целостности человека и последовательности в призвании. Возвращение к норме и целостности от аномии и распада возможно и желанно (кому? рискну предположить, что всем), и в этом отношении фигура Сергея Трубецкого может стать терапевтической и душеполезной. Для специалистов по истории философии новый том «Философии России первой половины XX века» станет хорошим подспорьем для того, чтобы сориентироваться в многообразном

⁴ К.Б. Ермишина, ред., *Философская переписка братьев Трубецких. Из архива княгини Ольги Николаевны Трубецкой* (М.: Синтаксис, 2021).

наследии старшего брата-Трубецкого; кроме того, в нём высказаны «неканоничные» авторские интерпретации, а это всегда продуктивно для развития дискуссии.

А.Ф. Ганелина

Институт философии РАН
109240, Гончарная ул., д. 12, стр. 1, г. Москва, Россия
anna.fed.mak@gmail.com